Моё слово об Анатолии будет таким же негромким, как и вся его жизнь. О том, что нашего земляка уже нет в живых, я узнал совершенно случайно, от бывшего директора Минусинского музея Ермолаевой Людмилы Николаевны. Она выделяла нас, наверное, ещё и потому, что родители были Героями Соцтруда на земле минусинской: у Анатолия — мать, Третьякова-Гранкина Е. С., у меня — отец, Козловский Д. Х.

То обстоятельство, что наши родные получили высокие звания за отличные урожаи в голодные послевоенные годы, хоть и не удивляло минусинских музейщиков, но весу нашему писательству, в их понимании, заметно прибавляло.

Людмила позвонила мне и долго рассказывала, сколько людей провожало в последний путь моего земляка, наверное, в душе слегка недоумевая, что меня там не было. Да что теперь говорить об этом. Я тотчас же позвонил сыну в Красноярск, но тот о кончине Третьякова тоже не слышал, и даже по прошествии нескольких дней в красноярских СМИ была тишина. Так и покинул сей мир автор гимна родного Красноярска — тихо и незаметно, как, впрочем, и жил.

С Третьяковым мы встречались в основном на литературных семинарах. Он всегда с интересом вспоминал в наших разговорах о Минусинске, тогда и позднее, во всех своих автобиографиях, почему-то напирая на то, что именно этот южный городишко был местом, где он родился. Я же всё время твёрдо помнил, что местом его рождения была деревушка под городом, деревня Солдатово, в просторечии — Солдатова заимка. В самом городе Минусинске мы встретились лишь однажды — в Пушкинской библиотеке на улице Народной, куда его с А. И. Щербаковым и с Володей Василенко пригласили мои земляки. И Толик, и Саша обрадовались нашей встрече. Третьяков оставил своих почитателей и стал подписывать мне свои только что вышедшие благодаря каким-то грантам книги. На обложке одной из них, «Встречные поезда», автор поместил свой портрет во весь рост художника Андрея Поздеева. Позднее я написал стихотворение, начинающееся такими словами: «На меня с обложки книги смотрит Толик Третьяков, нарисованный по случаю осенних облаков…»

Творчество Андрея Поздеева как-то объединяло их с Романом Солнцевым, у обоих в квартирах висели его картины: у Романа — огромные поздеевские подсолнухи во всю стену в коридоре тесноватой квартиры Солнцева в Академгородке, а у Третьякова — опять же портрет хозяина жилья в Зелёной Роще, по улице Воронова. Да и характер третьяковский был схож с поздеевским. Более незлобивого и покладистого человека, чем Третьяков, я не встречал. Однажды, наверное, чтобы сделать мне приятное, он простодушно предложил Роману Харисовичу: «А давай мы Алексею дадим Пушкинскую медаль», — на что Роман с готовностью согласился. Правда, медали тогда от Красноярской писательской организации я не дождался, да и жил я уже не в Минусинске, а в Хакасии. Хотя это ничуть не помешало Роману Харисовичу отправить меня на 6-е Всесоюзное совещание молодых литераторов в Москву в составе из трёх человек (Дуси Аксёновой, Жени Попова и автора этих строк) от Красноярского края.

Вот так воспоминания о земляке заводят в литературные дебри моей биографии. Но вернёмся к Третьякову. Начинал он довольно-таки громко. Печатался в московских литературных журналах. На совещаниях ходил в этаком ореоле литературной знаменитости и, кажется, слегка подшофе, что позволило Серёже Кузнечихину не раз удивляться, когда он прочитал в журнале «Дальний Восток» мою шуточную поэмку о том, как мы в сосновом бору, в начале золотого бабьего лета, распиваем с Третьяковым чаи. «Про чай — это сильно сказано», — не упускал он случая, чтобы посмеяться над таким пассажем. Мы, тогда ещё литературные мальчишки и девчонки, с завистью посматривали вслед молодому удачливому поэту. Кто-то даже сообщил, что Третьякову покровительствуют сам Сергей Наровчатов и редактор В. И. Ермаков, не говоря уже о И. В. Уразове, Р. Х. Солнцеве и З. Я. Яхнине. Астафьева на литературном горизонте Красноярья ещё не наблюдалось, хотя Роман Солнцев уже писал ему на Урал: «Витя ласковый, сокол ясный, возле Камы с кривым ружьецом ты прими привет красноярский и два слова о том о сём». Впрочем, несмотря на свою общительность и литературную известность, Третьяков жил как бы в обособленном поэтическом мире, не очень-то

запуская в него людей со стороны. Хотя слава как бы холила его самолюбие. Как-то в Литературном музее Красноярска он потащил меня на второй этаж: «Пошли, покажу тебе кое-что»,—и привёл меня к витрине, где было представлено его творчество: книги, какие-то статьи или документы. Я стал показушно удивляться такому, в душе завидуя земляку, хотя связаны мы были с ним не только землячеством и литературой, но кое-чем посерьёзнее.

Однажды, когда мы прогуливались по правому берегу Енисея, за Торговым центром, он заметил, что именно здесь была пристань, откуда на баржах отправляли заключённых в Норильлаг. И упомянул тогда про своего отца—вскользь, правда,—а я вспомнил, что и моя мать побывала в норильских лагерях, а значит, переправляли в Заполярье и её оттуда же. Не на самолётах же возили спецконтингент сталинского режима. Я потом и об этом написал стихотворение, подарив книгу эту своему земляку, с судьбой семьи которого так переплелись наши судьбы. А в разговорах со мной Третьяков постоянно возвращался к Минусинску, заметив однажды, что ему простая церковь в Минусинске краше всех соборов на земле. Было такое, были редкие душевные встречи: Толик жил в Красноярске, а я у себя в Хакасии, но объединяла нас милая родина, минусинская земля, где когда-то жили и работали наши родители. Не знаю, вспоминал ли о ней Толик в свой последний час, но я-то, пожалуй, до последнего вздоха буду помнить её приенисейские поля, её сосняки и березняки, её заросли краснотала в пойме могучего Енисея.

Причал в небытие…

Красноярскому поэту А. Третьякову
Памяти твоего отца—Ивана
и моей матери—Таисьи

На правом берегу—часовня,
И сразу от неё—откос…

Любовь тоскливая сыновья
И до скончанья дней вопрос,

Что с детства мучил бедолагу:
—За что? Насколько?—
Навсегда!
Дорогой в логово ГУЛАГа
Легла текучая вода.

Она по-прежнему свинцова,
Та енисейская волна,
Как чьё-то правильное слово
И чья-то тяжкая вина…

А после—мать, отец ли, деверь
(«Грузитесь, твари, да живей!»)…
Уходит караван на Север,
Во мрак полярных лагерей.

Стоишь, понурый, ты у ската,
Где центр Торговый за спиной,
И постигаешь: здесь когда-то
Гнал зэков к пристани конвой.

Прощались издали с родными
«Враги» народа и «друзья»…
В Отечества прогорклом дыме
Иначе вроде и нельзя.

Сжимаю зубы я до боли,
И мрак густеет в свете дня.
Поставь свечу «во здравье», Толя,
Как сын мой ставил за меня,

Когда и я в сыром подвале
(Возможно, там же, где они,
Родные наши, горевали)
Считал неволи злобной дни.

Поставь «во здравие»!.. Простится
За то, что не «за упокой»…
И пусть не вьются больше птицы,
Как души мёртвых, над рекой.

Враги

Мне даже и враги близки…
А. Третьяков

Мне датский говор твой приятен,
Понятен гонор твой без слов,
Когда ты запросто, приятель,
Рассказываешь про врагов.

Как о… едва ли не о гриппе.
Наивный, право, ты чудак:
Враги—не сифилис, не триппер,
Их не получишь просто так.

Враги—не кошки, не собаки,
Не ражих оппонентов рать,
Что кулаками после драки
Привыкли радостно махать.

Что до литературной свары,
Обиды неподдельной сей…
Изволь, поздравлю с лёгким паром
Тебя и всех твоих… друзей!